

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Коминтерн и рождение советской школы латиноамериканистики

В статье освещены основные этапы формирования советской латинамериканистики в 1920—1930-е годы. Авторы анализируют ключевые аспекты исследований латиноамериканского региона, проведенных отечественными учеными. Значительная часть данного материала посвящена биографиям Г.Скалова, В.Мирошевского, Г.Якобсона и их вкладу в латинамериканистику.

Ключевые слова: латиноамериканские исследования; советская наука; Коминтерн; Георгий Скалов; Владимир Мирошевский; Генрих Якобсон.

DOI: 10.31857/S0044748X0005400-9

Статья поступила в редакцию 22.04.2019.

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00305 («Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»).

Даже бурные революционные события 1917 г. не смогли помешать российским ученым изучать Латинскую Америку, не прервали исследовательскую традицию, заложенную еще в XIX в. В голодном и холодном Петрограде представители науки планировали заниматься изучением Нового Света, создав Постоянную тропическую комиссию при Академии наук для «всестороннего научного изучения и исследования природы и населения тропических стран земного шара»¹. Группа петроградских ученых, в которую вошли Борис Алексеевич Федченко, Владимир Германович Богораз-Тан, Отто Юльевич Шмидт, Иван Дмитриевич Стрельников, Николай Парфентьевич Танасийчук и др., учредила в 1918 г. Общество изучения Южной Америки, поставившее целью

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения (jeifets@gmail.com); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (ilaranspb@hotmail.com).

«возбуждение <...> живого интереса к южно-американской природе и жизни». Был подготовлен план экспедиции в Южную Америку. Общество просуществовало до 1922 г., так и не сумев реализовать своих амбициозных планов.

Рождение в 1919 г. Коминтерна с его идеей мировой революции повысило интерес к событиям за пределами Советской России (СССР). Этому способствовало появление международной рабочей прессы: журналов и бюллетеней Коминтерна, Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна), Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Крестьянского интернационала (Крестинтерна), содержание которых полностью посвящалось революционному движению во всех уголках Земли. В первые годы латиноамериканские сюжеты были связаны с публикацией документов (таких как «Американская революция», «Письмо к мексиканским рабочим» и пр.) или являлись чисто информационными. Несмотря на то, что авторами материалов были руководящие работники Коминтерна и Профинтерна, участники их всемирных конгрессов (Луис Фрайна, Том Баркер, Андреу Нин, Михаил Алексеевич Александровский и др.), взгляд этих активистов на латиноамериканские проблемы был далек от реалий. В Москве, в штаб-квартире мировой революции, почти ничего не знали о регионе, отсюда — авантюрный характер миссии Михаила Бородина в Мексике в 1919 г. и авантюра с Панамериканским бюро в 1920—1921 гг.², отсюда же проистекло непонимание сути мексиканской революции.

Мощный импульс развитию советской латиноамериканистики дали празднование 10-летия Октябрьской революции и VI всемирный конгресс III Интернационала, когда, по оценке Генерального секретаря Профинтерна, произошло «второе открытие Америки». Соломон Абрамович Лозовский признал, что в Коминтерне и Профинтерне недостаточно знали о ситуации в рабочем движении континента, об этих «огромных революционных силах, которые, хотя возможно и находятся в примитивном состоянии, но обещают многое и имеют большие перспективы»³.

Пионером советской латиноамериканистики стал Станислав Станиславович Пестковский, вернувшийся из Мексики, где он выполнял функцию полпреда СССР и представителя Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ). Он являлся одной из ключевых фигур при обсуждении латиноамериканских проблем в Коминтерне и аффилированных с ним организациях: «товарищ Бандерас» был назначен ответственным за «движение в Латинской Америке» Крестинтерна и кооптирован в его Президиум, стал представителем Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, РСМ) при Коминтерне, участвовал в заседаниях Латинского и Латиноамериканского секретариатов и деятельности Ассоциации исследователей Латинской Америки в СССР.

В 1928 г. почти одновременно вышли две его книги «История мексиканских революций» (под псевдонимом «Андрей Вольский») и «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике» (подписанная «Диего Ортегой») — первые научные исследования мексиканских проблем, опубликованные в СССР, написанные с точки зрения «материалистического понимания истории». В «Истории мексиканских революций» автор отметил, что «книга страдает целым рядом существенных пробелов и недостатков», в

первую очередь, из-за отсутствия «какой бы то ни было библиографии по общественно-политическим вопросам», но взял на себя смелость предложить свой труд советскому читателю, не избалованному литературой о Мексике, которая представляла для СССР «громадный интерес» благодаря своей борьбе «против империалистического засилья».

Основная часть обеих монографий была посвящена новейшему времени. Пестковский использовал и информацию конфиденциального характера, позволявшую внимательному читателю, знакомому с мексиканскими реалиями, понять, кто скрывался за псевдонимом «Андрей Вольский»: так, например, автор подробно рассказал о своей беседе с министром иностранных дел Мексики генералом Кандидо Агиляром о позиции Мексики по отношению к Первой мировой войне. Весьма важны политические оценки, содержащиеся в книгах бывшего полпреда, считавшего, что в стране имелись две общественно-политические силы: «громадная сила иностранного империализма, имеющая внутри Мексики могущественных союзников в лице помещиков и католического духовенства», и «рабочий класс и крестьянство, представляющие в потенции большую силу, но до сих пор раздробленную и слабо организованную». Основную слабость этой силы Пестковский видел в «отсутствии единого рабоче-крестьянского фронта». Между этими силами, по его мнению, маневрировало мексиканское правительство, «составленное в своем большинстве из промежуточных мелкобуржуазных элементов», неспособное выполнить задачу организации рабочих и крестьянских масс населения для борьбы против иностранного империализма⁴. В «Аграрном вопросе..» он дает еще более жесткую оценку этой третьей силы: «результатом этой революции (1910—1917 гг. — Прим. авторов) является военно-полицейская диктатура мелкобуржуазных промежуточных элементов. Отсутствие крупной национальной буржуазии и слабость пролетариата являются основной предпосылкой этой диктатуры. Диктатура эта держится, постольку, поскольку ее поддерживают крестьянство и рабочие»⁵. Пестковский сформулировал свое видение стратегии и тактики революционного движения Мексики: не переставая «перед лицом единого фронта помещиков и иностранных капиталистов» поддерживать до поры до времени мелкобуржуазное правительство, крестьяне и рабочие Мексики должны неустанно «подготавливать почву для создания подлинного рабоче-крестьянского правительства»⁶.

Авторы предисловия, высшие руководители Крестинтерна Николай Леонидович Мещеряков и Томаш Домбаль, идут еще дальше в определении перспектив революции на континенте: «образование рабоче-крестьянского правительства и союза рабоче-крестьянских республик Латинской Америки — вот те задачи, которые встают во весь рост перед революционным движением этих стран»⁷. Несомненно, это в полной мере отражало тогдашний коминтерновский подход к мексиканским проблемам, далекий от реалий.

В обеих книгах Пестковского приводится информация об истории мексиканского коммунистического движения, которая долгие годы проходила мимо внимания исследователей. Характеризуя деятельность губернатора Юкатана Фелипе Каррильо Пуэрто, он, в частности, отметил, что тот некоторое время являлся членом Мексиканской Коммунистической партии (Partido Comunista Mexicano, РСМ) и входил в «Американское бюро» Ко-

минтерна. Он также сообщил, что кроме официальной компартии (секции III Интернационала) в Мексике существовали еще несколько «коммунистических партий», из которых Студенческая Коммунистическая партия (Partido Comunista de los Estudiantes, РСЕМ) была некоторым образом связана с РСМ, прочие же не имели с той ничего общего и представляли собой «рабоче-мелкобуржуазные группировки»⁸. Подобное содержание было характерным для первых работ историков-марксистов, написанных по горячим следам событий, в которых приводились факты, потом долгое время не использовавшиеся советскими историками; в них анализировались интересные документы Коминтерна и Профинтерна. Так, например, Григорий Дашевский (Г.Донский) в монографии «Борьба за Латинскую Америку» рассказал о роли Манабандры Нат Роя в создании компартии Мексики.

Пестковский своими публикациями откликнулся на важнейшие события в Мексике, связанные с революционным движением страны. В газетах появляются написанные им под псевдонимом «Андрей Боровский» некрологи Хулио Антонио Мельи («Комсомольская правда») и Хосе Гуадалупе Родригеса («Правда»), в журнале «Путь МОПРа» (1929, № 6) — статья «Контрреволюционный заговор в Мексике». Под именем «Диего Ортега» он публикует статью «Гражданская война в Мексике» («Мировое хозяйство и мировая политика», 1929, № 7).

Однако очень скоро Пестковский, совершивший подлинный прорыв в латиноамериканистику, столь же стремительно отошел от науки и публицистики. В заявлениях о «бедственном» материальном положении своей семьи, направленных в Общество старых большевиков, он писал: «Раньше я подрабатывал немного литературным трудом, но в последнем году меня так сильно нагрузили политической и партийной работой, что я не в состоянии писать»⁹. И только в аналитических записках и других коминтерновских документах продолжали жить «Д.Бандерас» и «Ортега».

Книги и статьи Пестковского открыли серию публикаций по проблемам Латинской Америки в СССР. Первой аналитической работой советского автора о Латинской Америке в международной коммунистической прессе стала статья в журнале «Коммунистический Интернационал» старого большевика, ответственного работника агитпропотдела и Отдела международной связи (ОМС) ИККИ Бориса Даниловича Михайлова («Вильямса»), в 1926—1927 гг. инспектировавшего деятельность Южноамериканского секретариата на месте¹⁰.

В 1928—1930 гг. вышли в свет книга Г.Донского (Г.Дашевского) «Борьба за Латинскую Америку», брошюры бывшего генерального секретаря мексиканской компартии Мануэля Диаса Рамиреса «Мексика» и А.Ледо (псевдоним генерального секретаря компартии Бразилии Астрожилду Перрейры) «Бразилия» и «Аргентина», Хосе Брунини (псевдоним сотрудника Международного аграрного института (МАИ) Александра Волкова, по окончании Академии Тимирязева стажировавшегося в Южной Америке (1924—1926), «Крестьянство и батрачество в Аргентине», «Крестьянство и батрачество Кубы и Гаити», «Уругвай и Парагвай», реэмигранта из Аргентины, сотрудника МАИ, референта латиноамериканской секции Профинтерна Александра Коробицына «Гватемала».

Звездным часом для континентального коммунистического движения и становления марксистской латиноамериканистики стал VI конгресс Коминтерна. В его преддверии на страницах «Коммунистического Интернационала» развернулась дискуссия о характере революции в регионе, свидетельствующая о важнейшем прорыве на теоретическом фланге латиноамериканского направления деятельности Коминтерна. За все предыдущее время существования теоретического органа ИККИ в нем было опубликовано лишь 8 материалов, освещавших положение в Латинской Америке (Воззвание ИККИ «Американская революция» (1920 г.), статьи о рабочем движении Чили и Уругвая (1921 г.), статья М.Ганина «Империализм открывает «новый континент» (1925 г.), серия статей «Борьба империализма за Южную Америку» (1926 г.).

С.Травин (участник революции 1917 г. и один из руководителей Красной армии во время гражданской войны, кандидат в члены ИККИ Сергей Гусев) сформулировал условия победы национально-освободительного революционного движения в латиноамериканских странах: руководство пролетариата, во главе с компартией, которая увлечет за собою все трудящиеся массы; совместные и одновременные движения в различных республиках под лозунгом «антиимпериалистический союз рабоче-крестьянских республик Латинской Америки»; сочетание этих революционных выступлений с революционным движением пролетариата одной или нескольких империалистических стран, угнетающих Латинскую Америку. На этом основании он отрицал возможность освобождения от империалистического гнета путем буржуазно-демократических революций: «Только социалистическая революция может освободить ее и дать крестьянам землю. ... стоящие перед национально-освободительным и революционным движением Латинской Америки буржуазно-демократические задачи могут быть разрешены лишь в ходе социалистической революции»¹¹. Гусев считал, что противодействие революционным массам со стороны империализма — врага СССР, приводило их к пониманию непосредственно социалистического характера революции: следовательно, «революционное движение батрацко-крестьянских масс Латинской Америки... под руководством сознательного революционного пролетариата *перескакивает через буржуазно-демократическую ступень революции непосредственно к социалистической*»¹².

Советский коммунист видел грядущую латиноамериканскую революцию «*стихийной массовой революцией социалистического типа*». По справедливой оценке российского латиноамериканиста Сергея Ивановича Семенова, взгляды Гусева отражали тенденцию милитаризации политического мышления, распространения военно-командного стиля управления на Коминтерн. Кавалерийский подход Гусева к определению стратегии и тактики компартий, основанный на утопическом восприятии латиноамериканских социально-политических реалий, не вызвал энтузиазма у руководителя Латинского секретариата ИККИ Жюля Эмбера-Дро, предлагавшего иное видение характера революции: швейцарский коммунист расценивал его как крестьянскую и антиимпериалистическую революцию или *буржуазно-демократическую революцию с резко выраженным антиимпериалистическим характером, в которой участвуют пролетариат, кре-*

стьянство и мелкая буржуазия. «Когда революционное движение приводит к захвату власти, у власти оказываются... либеральная мелкая буржуазия или офицерство — генералы, отстаивающие интересы и выражающие идеологию мелкой буржуазии». Этой гегемонией Эмбер-Дро объяснял значительную роль офицеров в революционном движении, считая, что всякое массовое движение пролетариата и крестьянства находит отражение в армии, принимающей активное участие в революционном выступлении: «Когда же движение торжествует, у власти оказываются они. Массы, приходящие в движение, не создают своих органов власти»¹³.

Эмбер-Дро делал вывод о том, что «всякая война за освобождение колониальных и полуколониальных народов от империализма есть часть великой мировой пролетарской революции; всякая борьба угнетенных национальных меньшинств против империалистических мирных договоров *есть тоже часть великой пролетарской революции. Но это еще не значит, что сами по себе эти движения суть движения пролетарские и социалистические*»¹⁴.

В ходе обсуждения «мексиканского» вопроса» другой коминтерновский эксперт по латиноамериканским проблемам швейцарец Эдгар Воог (Штирнер) вступил в полемику с аргентинцем Викторио Кодовильей и болгаринном Стояном Миневым (Шаварошем)¹⁵, критиковавшими руководство РСМ за отсутствие «необходимых перспектив». Воог утверждал, что партия не рассматривала мексиканскую революцию как социалистическую, ясно представляя себе, что к власти в стране пришла молодая национальная буржуазия, способная во имя борьбы с господством империализма опираться на трудящиеся массы и идти на некоторое улучшение их положения, но склонная к колебаниям и достижению компромисса с реакцией и империализмом. Отрицая теорию «географического фатализма», Воог настаивал на возможности осуществления революции в Мексике, не ожидая свержения капитализма в США, так как мексиканский пролетариат, создав в стране «подлинное рабоче-крестьянское правительство», может рассчитывать на «восторженную и действенную поддержку» антиимпериалистического движения латиноамериканских народов и американского рабочего класса¹⁶.

Коминтерновский эксперт жестко и трезво оценил состояние революционного движения страны: **«Мексика долгое время принадлежала к той категории стран, где много говорится о революции, но где коммунистические партийные организации приходится рассматривать в лулу»**¹⁷ Непосредственной задачей РСМ он считал устранение всего того, что отделяет партию от масс, предлагая рабочим не разговоры о коммунизме, которых много велось в прошлом, а реальную заботу об их непосредственных интересах, не ведение дискуссий о мировой революции, а реальное проникновение в события, происходящие в Мексике. Только это могло помочь созданию в стране массовой компартии, но она могла быть в условиях Мексики **партией наемных рабочих и безземельных беднейших крестьян.**

С принятия 9 апреля 1929 г. делегацией ВКП (б) в ИККИ решения об укреплении аппарата ИККИ «русскими работниками» начался процесс «русификации» Коминтерна. Далеко не всегда это были собственно «носители языка». Говоря о работниках латиноамериканского направления деятельности Коминтерна, к таким «русифицированным»

иностранцам в первую очередь надо отнести болгарина С.Минева (Степанова, Шавароша).

В первую очередь этот процесс затронул штаб-квартиру Коминтерна в Москве. В ходе реорганизации структуры аппарата ИККИ появился Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ: впервые после ликвидации Южноамериканской секции при ИККИ в 1922 г. континент был выделен в самостоятельное направление работы. Его руководителем стал Ж.Эмбер-Дро, а после его перевода на работу в Профинтерн в Секретариате началась кадровая чехарда, закончившаяся с приходом к его руководству Георгия Борисовича Скалова («Синани»). С этим назначением процесс «русификации» управления латиноамериканским коммунистическим движением из Москвы резко интенсифицировался.

Сам Скалов являлся личностью неординарной с многообразным и противоречивым опытом и идеально подходил для решения коминтерновских задач. Двадцатилетний поручик «по обе стороны баррикады» участвовал в Великой русской революции сначала как активный сторонник Временного правительства, а с 1919 г. как целеустремленный борец за утверждение Советской власти в Туркестане¹⁸. В 1922 г. решением ЦК РКП/б/ Скалов был назначен ректором Института востоковедения. Вскоре востоковед-практик был направлен в Китай, где возглавил Кайфынскую группу военных советников, работал инструктором Кантонского комитета компартии Китая, советником Кантонского правительства, заменял главного политического советника М.Бородина во время его поездки в Москву.

Еще одной ипостасью Скалова являлось недюжинное дарование публициста и аналитика, организатора науки. Еще в 1917 г. он выступал со статьями на злободневные темы в петроградских газетах. В журналах «Жизнь национальностей» и «Новый Восток» Скалов писал о социальной природе басмачества в Туркестане, экономическом объединении среднеазиатских республик как факторе национальной политики, истории революции в Хиве, Институте востоковедения. Продолжил исследовательскую работу Скалов и в Китае, сотрудничая с русскоязычным журналом «Кантон». И во время службы в IV Управлении штаба РККА он не оставлял исследовательской и публикационной деятельности, тематика которой явно была связана с характером работы в военной разведке: Англия, события на Китайской-Восточной железной дороге, положение крестьянства в Китае.

Некоторые исследователи до сей поры демонизируют Скалова, упрекая в некритическом переносе китайского опыта в теорию и практику латиноамериканского коммунистического движения, считая, что даже псевдоним «Синани» он выбрал под неизгладимым впечатлением китайской эпопеи и всячески стремился «китаизировать» Латинскую Америку, «навязывая всем свою личную, навязанную китайским опытом точку зрения, ошибочно относя страны Южной и Центральной Америки к колониальному и полуколониальному миру, а Бразилию прямо отождествляя с Китаем»¹⁹. Эту линию, названную бывшим активистом коммунистического движения Эудосио Равинесом «янаньским путем», абсолютно некритично приписывали Скалову и некоторые лидеры компартий, например, кубинец Блас Рока. Они совершенно забыли, что документы Коминтерна причислили латиноамериканские страны к полуколониальным задолго до прихода Синани в

ИККИ. Во-вторых, наивно предполагать, что функционер, даже не входивший в высшую иерархию ИККИ, мог формировать свою линию, отличавшуюся от «генеральной». В-третьих, разве о выборе коминтерновского руководства не говорит то, что после ареста Скалова во главе латиноамериканского направления оказался Владимир Николаевич Кучумов, опыт работы которого в международной коммунистической партии был связан с Дальним Востоком, а затем и вовсе китаец Ван Мин?

Ну и, наконец, важный вопрос: как Скалов оказался на работе в Коминтерне, и был ли он креатурой Сталина? После чанкайшистского переворота и вывода советских советников компартия и родившаяся в 1927 г. китайская Красная армия действовали без прямого руководства со стороны III Интернационала. Это положение не удовлетворяло Москву, и начальнику IV Управления Яну Карловичу Берзину, а также заведующему Орготделом ИККИ Борису Афанасьевичу Васильеву было поручено «выдвинуть кандидатуру военного инструктора при ЦК КП Китая»²⁰. Выбор пал на Скалова, в сфере обязанностей которого в военной разведке находилось положение в Китае. Его эрудиция, опыт, интерес к Китаю, если не сказать страсть, подтолкнули большевистское руководство к тому, чтобы на роль полномочного представителя Коминтерна выбрать именно его.

Сам Скалов явно видел себя главой большой группы советников, в роли нового Бородина или Блюхера, и это не могло не тешить его самолюбие. Вопрос о направлении в Китай советника Коминтерна обсуждался на высочайшем партийном уровне. 22 июля 1930 г. Секретариат ЦК ВКП (б) постановил откомандировать Г.Б.Скалова в распоряжение ИККИ²¹, но неожиданно этот вердикт был пересмотрен, как это часто бывало в те времена, а вместо Скалова было решено направить Гайлиса и Малышева. Скалов решил поставить под сомнение решение партийного руководства, настаивая на том, что именно он может серьезно влиять на Политбюро ЦК компартии Китая²². Но изменить уже ничего было нельзя, и вернуться в Китай ему было не суждено.

16 сентября 1930 г. решением Оргбюро ЦК ВКП (б) Скалов был зачислен в штат Исполкома Коминтерна как инструктор орготдела под псевдонимом «Синани» (оставшись по совместительству работать в IV Управлении). Конечно, его мысли в этот момент были очень далеки от Латинской Америки. Но, видимо, именно китайский опыт Скалова стал причиной того, что его решили использовать в новом качестве. Очевидно, в руководстве ВКП/б/ и Коминтерна условия Латинской Америки считали вполне подходящими для «привития его ростков», а Скалова — вполне квалифицированным «садовником».

Хозяйство Скалову досталось непростое. Много проблем было в самих латиноамериканских компартиях. Несмотря на кажущуюся схожесть социально-экономических условий, страны континента обладали значительным своеобразием, а наличие общих тенденций политического развития, в первую очередь, склонность к каудильизму, не исключало того, что у всех государств был свой путь развития. В отличие от большинства европейских секций Коминтерна, образовавшихся в результате раскола социал-демократии, каждая латиноамериканская партия прошла уникальный путь становления.

Серьезным препятствием развития латиноамериканских партий был дефицит кадров, имеющих теоретическую марксистскую подготовку. Непростая кадровая ситуация сложилась и в аппарате Коминтерна. Несомненно, в доме на Охотном ряду с приходом Синани началось и целенаправленное формирование школы советской латиноамериканистики. Положение Скалова было довольно сложным: латиноамериканские проблемы никогда не входили в круг его интересов и обязанностей. Он знал английский и французский и «забыл, так как не имел практики» китайский, но не знал испанского. А сотрудники секретариата Юлий Исакович Розовский (Хулио Гомес), Август Гуральский (Абрам Яковлевич Хейфец), Станислав Станиславович Пестковский, Захарий Михайлович Рабинович (Пьер) имели опыт работы в Латинской Америке и неплохо разбирались в специфике региона, но их опыт был эмпирическим. В подчинении Скалова находились такие видные деятели латиноамериканских компартий, как кубинец Рубен Мартинес Вильена и бразилец Отавиу Брандау.

В короткое время Скалов смог встать вровень с ними. В сфере его внимания по долгу службы и по склонности характера оказалась и научно-организационная работа по исследованию проблем Латинской Америки. Аппарат ИККИ и подчиненные ему научные и учебные заведения — Международная Ленинская школа (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Международный аграрный институт (МАИ) и др. — были естественными центрами изучения социально-экономических и политических процессов в зарубежных странах. Там проводилась исследовательская работа, отсюда черпались кадры, участвовавшие в разработке проблем регионов и отдельных стран. Поэтому неудивительно, что под руководством Синани, быстро освоившегося в новой сфере, секретариат превратился в центр координации и планирования научно-исследовательской работы.

Можно только позавидовать энергии и целеустремленности Синани, с которыми он взялся за новое дело. В центре внимания нового руководителя (вскоре он назначен заместителем заведующего лендер-секретариата, при том, что пост заведующего оставался вакантным) были подбор и подготовка квалифицированных кадров для работы в его ведомстве. Нехватка профессиональных специалистов по проблемам Латинской Америки была ахиллесовой пятой деятельности Коминтерна все первое десятилетие его существования. Таких специалистов было немного, они явно были штучным товаром, который к тому же зачастую использовался нерационально. Рассчитывать на приток хорошо подготовленных марксистов-теоретиков из Латинской Америки не приходилось. Готовить их нужно было в Москве.

Подготовка кадров и латиноамериканские исследования планировались и координировались в одном центре — ИККИ. Важной концептуальной новацией, которая стала фундаментом создававшейся школы исследований, стало инициированное Синани изменение названия возглавляемой им структуры. Признав термин «Латинская Америка» «политически неправильным», он предложил переименовать его в Секретариат «Южной и Карибской Америки», считая, что нельзя «исходить в названии континента из языковой принадлежности великодержавных господствующих наций, угнетающих большую индейско-негритянскую часть населения»²³. Синани возглавил кабинеты Южной и Карибской Америки (ЮКА) Института мирового хо-

зйства и мировой политики (ИМХиМП) и колониального сектора Коммунистической Академии, кафедру ЮКА Института востоковедения им. Н.Нариманова, преподавал в МЛШ, Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (КУТК). Было создано южно-американское отделение в ленинградском Восточном институте имени А.С.Енукидзе. Это было характерно для того времени — ведь подготовка кадров для латиноамериканских компартий велась не только в МЛШ, но и в КУТВ. Готовились латиноамериканисты и в Институте красной профессуры (ИКП).

В апреле 1932 г. Синани просит в «порядке подготовки кадров для Латинской Америки» допустить к практике в секретариате, «по некоторым вопросам Аргентины», слушателя ИКП Павла Федоровича Филеева, члена ВКП /б/ с 1919 г. В это время к работе в Секретариате уже привлекались слушатель ИКП Владимир Мирошевский, быстро знакомившийся «с положением и конкретными условиями Южной и Караибской Америки», и де-факто рассматривавшийся как штатный сотрудник Секретариата, аспирант КУТВа и научный сотрудник кабинета ЮКА Комакадемии, преподаватель МЛШ Виталий Борисович Сагалатов, знавший испанский язык, которому в 1933 г. было поручено изучение истории КП Бразилии, и слушатель ИКП Зильберт (реэмигрант из Аргентины). Секретариат планировал пригласить на практику сотрудников южноамериканского сектора Института Востоковедения, однако, не мог определиться, кого именно, поскольку этот сектор был недавно организован²⁴, но вскоре просит перевести «одного из лучших студентов» 3 курса Савина в ИКП²⁵. Преподавателя теории советского хозяйства в Баку Г.Дашевского, специалиста по экономике Латинской Америки, Скалов предлагает вызвать для работы в кабинете Южной и Центральной Америки ИМиХП²⁶. Савина он знал лично как заведующий кафедрой и кабинетом, да и публикации Дашевского по латиноамериканской тематике не проходили мимо его внимания.

Все пришли в латиноамериканистику с очень разным опытом и навыками. За спиной В.Мирошевского (Полонского) была подпольная работа во время гражданской войны и нелегальная деятельность в Среднеевропейском секретариате КИМ в Берлине, опыт редактора ж. «Интернационал молодежи», преподавание в КУТК и учеба в ИКП. В лендер-секретариате он стал референтом, заведующим сектором, преподавал в секторе «Л» МЛШ. Уже сложившимся исследователем был участник революции и гражданской войны, партработник, журналист Генрих Якобсон, после окончания ИКП заведовавший кафедрами в КУНМЗ и КУТВ (1926—1928). С работы в МАИ, где Якобсон специализировался на проблемах Востока и Латинской Америки, его перевели в Профинтерн в качестве заместителя заведующего Латиноамериканской секции и планировали направить в Буэнос-Айрес, чтобы он возглавил научное бюро советского торгпредства. Он также преподавал в секторе «Л» МЛШ.

Характерным для работы секретариата стало широкое привлечение к изучению и обсуждению проблем революционного движения Латинской Америки студентов МЛШ и КУТВ и экспертов из братских организаций. В сфере внимания Синани находились практически все начинающие латиноамериканисты, исследования которых он старался всячески поддержать, например, просит Малую Комиссию ИККИ разре-

шить ознакомиться с архивными материалами ИККИ работающим над вопросами Латинской Америки беспартийным сотрудникам МАИ Когану, Карповскому и Волкову²⁷.

Статьи авторов коминтерновской школы латиноамериканистики публиковались в журнале «Революционный Восток» и альманахе «Колониальные проблемы», что в полной мере отражало подход всемирной компартии к характеру революционного движения в Латинской Америке, который программа III Интернационала, принятая VI конгрессом, относила к колониальным и полуколониальным странам.

Отличительной чертой зарождавшейся латиноамериканистики был полемический характер обсуждения принципиально важных позиций. Пожалуй, одной из самых удивительных в истории науки была организованная кабинетом ЮКА ИМХиМП дискуссия о «престиже». Открывая ее, В.Мирошевский представил докладчика как человека, «лучше, чем кто-либо другой знавшего «сложные перипетии того извилистого пути, по которому шел Престес. Но вместе с тем между тов. Фернандесом и гражданином Престесом глубокая пропасть. Престес был мелкобуржуазным политическим деятелем... Тов. Фернандес стремится занять место в боевых рядах коммунистического авангарда... Поэтому, если бы какая-нибудь чудесная «машина времени» перенесла Престеса из 1922—1925 гг. в наши дни, в наши ряды, на наше собрание, то, вероятно, ему показалось бы чуждым и непонятным многое из того, о чем сегодня будет докладывать тов. Фернандес»²⁸. И действительно: кто мог знать «рыцаря надежды» лучше, чем он сам, без всякой машины времени перенесенный в Москву 1934 г. волей Коминтерна. Присутствовавшие в зале были осведомлены, что Престес и Педро Фернандес — одно лицо. Впоследствии, учитывая парадоксальность ситуации, при которой «течение бразильской мелкой буржуазии» носило имя вождя компартии, советские ученые переименовали его из «престизма» в «тенентизм».

Духом противоречий была пронизана и III конференция компартий Южной и Карибской Америки (1934 г.), в подготовке и проведении которой участвовало большинство латиноамериканистов — и работавших в Коминтерне, и выполнявших его задания. Это был мучительный поиск пути от формулы VI конгресса «Класс против класса» к концепции «Народного фронта». Синани прямо заявил: «...не все из того, что я скажу, является таким, за что я был бы уже готов драться до конца. Это мысли вслух. Нужно обменяться мнениями. Но <...> это не пустая импровизация, а те положения, которые занимают меня на сегодняшний день»²⁹. Но, в порядке обсуждения, он предложил делегатам идею о необходимости продолжить «эту тактику единого фронта, *толкую ее как соглашение с мелкобуржуазными и буржуазными партиями*» (выделено нами. — В.Х., Л.Х.) ... и не только может, но и неизбежно будет» и призывает к борьбе против «сектаризма, который мешает нам слиться с массами»³⁰. Слова «Народный Фронт» еще не звучат, но дух «исторического поворота» VII конгресса очевиден.

Важным промежуточным результатом латиноамериканских исследований в кабинетах Коминтерна стала публикация сборника «Проблемы Южной и Карибской Америки» (вторым изданием вышедшего под названием «Проблемы революции в Южной и Карибской Америке»). Объясняя при-

чины его подготовки, Синани отметил «совершенно недостаточное внимание» к вопросам Южной и Карибской Америки в советской марксистской литературе, отсутствие монографий «ни по вопросам их экономики, и роли в качестве объектов межимпериалистического соперничества, ни по вопросам их социально-экономической структуры и развития революционного движения»³¹.

Тематика сборника отражала основные направления исследований, в полной мере соответствовавший задачам Коминтерна: социально-экономическая структура и характер революции в Южной и Карибской Америке; полукOLONиальная зависимость стран ЮКА, положение рабочего класса и профсоюзная организация; аграрный вопрос; индейская и негритянская проблема; конец капиталистической стабилизации, революционный подъем, состояние и задачи компартий. Авторы статей сборника были ядром группы советских латиноамериканистов — Синани, Мирошевский, Якобсон, Марков, а также заведующий Латиноамериканской секцией Профинтерна Марк Соломонович Хаскин (Морис), до этого работавший делегатом профсоюзного интернационала в Монтевидео, и сотрудник НКВД Лев Яковлевич Хайкис (Леон), предшественник Хаскина в Профинтерне и советник полпредства в Мехико при Пестковском и Александре Михайловне Коллонтай.

На страницах сборника Синани впервые публично, не в «совершенно секретных» коминтерновских документах, обнародовал идею о применении китайского опыта: «... громадность территории южноамериканского материка, внутренних путей сообщения, обширность трудно доступных горных и лесных районов, экономическая и политическая разобщенность различных районов и штатов отдельных стран (например, Бразилия, Перу, Колумбия), несовпадение районов национально-революционных движений угнетенных индейских народностей и племен с существующими государственными границами — все создает объективные возможности победы и закрепления советской революции первоначально в отдельных районах для создания отдельных революционных очагов». Синани призывал не ждать пролетарской революции в США или «общей» южноамериканской революции, а, опираясь на опыт Никарагуа, указывал на «необходимость всемерного развертывания революции в более глубоких районах материка, необходимость подготовки к длительной и упорной вооруженной борьбе революции»³². Таким образом, соединив китайский и никарагуанский опыт, Синани стал идейным предтечей теории герильи Че Гевары и Режи Дебре.

Синани показывал своим соратникам пример работоспособности и энтузиазма. Только в 1933 г. он опубликовал монографию «Война в Южной Америке и англо-американское соперничество. М., 1933» и статью на ту же тему в книге «Кризис, фашизм, угроза войны. М., 1934», статьи «Возможность двоевластия и опыт Китая и Чили» (Колониальные проблемы. Сборник второй. М., 1934), «Крестьянское движение и компартии Южной и Карибской Америки» и «Новая фаза революционных событий на Кубе» (Коммунистический Интернационал, 1933, № 16, 28).

Бесспорно, рождавшаяся в муках советская латиноамериканистика, будучи наукой партийной, следовала в русле идей и директив ВКП (б) и Ко-

минтерна. Иначе и быть не могло, поскольку исследователи были в большинстве своем функционерами международной компартии или сотрудничали с ее структурами. И если в 1920-е годы еще появлялись работы, в которых хоть как-то затрагивалась международная деятельность III Интернационала, то с начала 1930-х годов практически все попытки анализа функционирования Коминтерна сводились к оценкам идейной борьбы с врагами большевистской идеологии, оппортунистами и ренегатами. Характерным стало замалчивание или неверная трактовка роли многих основателей и лидеров компартий, например Хосе Карлоса Мариатеги, хотя еще в 1931 г. Сергей Иванович Севин отмечал выдающуюся роль в создании компартии Перу этого «видного марксиста», пользовавшегося «в стране большим авторитетом». Признание роли «Амауты» можно увидеть и в недостаточно последовательных оценках В.Мирошевского, подвергнутых в 1940—1950-е годы критике латиноамериканскими коммунистами и советскими латиноамериканистами.

Из документов Коминтерна и партий в литературу были перенесены сектантские оценки видных деятелей коммунистического движения («рекабарренизм», «пенелонизм», «престижизм», «мариатегизм»). Наиболее ярко это проявилось в результатах работы комиссии по подготовке материалов ЮКА к VII конгрессу Коминтерна, среди членов которой были Марков, Сагалатов, Тульчинская, Якобсон, Хаскин, Карповский³³. Но из ее первоначального состава выпали Скалов и Мирошевский. По только что родившейся школе советской латиноамериканистики серьезный удар нанесли репрессии против сотрудников аппарата Коминтерна, начавшиеся с осуждения по «кремлевскому делу» (1935 г.) Г.Б.Скалова-Синани как «руководителя белогвардейской офицерской террористической организации». В 1937 г. по делу «польской организации войсковой» осужден С.Пестковский (расстрелян или умер в лагере в 1943 г.). В том же году к высшей мере наказания был приговорен В.Б.Сагалатов (за «участие в украинской националистической и контрреволюционной организации») и к 15 годам — П.П.Филеев. В 1938 г. был расстрелян сменивший Синани в Коминтерне В.Н.Кучумов. В 1935 г. после признания «Мирового аграрного кризиса» книгой, полной грубых политических ошибок, представляющих «систему троцкистско-зиновьевских взглядов», исключен из ВКП (б) и отстранен от работы доцент МЛШ и заведующий научно-исследовательским сектором МАИ Иосиф Георгиевич Марков. По обвинению в троцкизме арестован Юлий Розовский (1936 г.).

После этого еще вышло несколько работ «на злобу дня»³⁴, но исчезла школа, причем исчезла физически. Каким-то чудом уцелевший в мясорубке репрессий, исключенный из партии и изгнанный из Коминтерна (декабрь 1935 г.) «за связь» с Г.Б.Скаловым Мирошевский, работая в сфере, далекой от латиноамериканистики (в Литературном музее, Наркомтяжмаше, общеобразовательной школе, институте усовершенствования учителей), защитил кандидатскую диссертацию, написал несколько глав учебника «Новая история колониальных и зависимых стран» (1940 г.). Статья Мирошевского «Народничество» в Перу. К вопросу о роли Х.К.Мариатеги в истории латиноамериканской общественной мысли» была опубликована в «Историке-марксисте» (1941 г.) и кубинском журнале «Dialéctica»

(1942 г.). Ушедший добровольцем на фронт батальонный комиссар, ответственный редактор дивизионной газеты «Боевое знамя» Мирошевский погиб в 1942 г. Умер от ран майор Г.М.Дашевский (1944 г.). Еще в 1936 г. ушел из жизни Г.М.Якобсон.

Но связь времен не прервалась. Работа первых латиноамериканистов в значительной мере послужила основой для послевоенных исследований советских латиноамериканистов. Символом преемственности стало посмертное издание монографии Мирошевского³⁵. У истоков возрождения латиноамериканистики после Великой Отечественной войны стояли пленцы коминтерновской школы — работавшая референтом латиноамериканской секции Профинтерна вдова В.М.Мирошевского Аделаида Михайловна Зорина и выпускница ИКП, работавшая в МЛШ, ИМХиМП, МАИ Мария Владиславовна Данилевич.

Школа латиноамериканистики возрождалась мучительно и долго. Интенсификации этого процесса способствовала победа кубинской революции. Созданный в 1961 г. Институт Латинской Америки АН СССР стал центром исследований проблем континента в стране. Среди первых его сотрудников были Александр Васильевич Волков и Надежда Яковлевна Тульчинская (Инес). Прошло еще восемь лет, и в свет вышел первый номер отмечающего сегодня свой полувековой юбилей журнала «Латинская Америка», на страницах которого уже несколько поколений ученых публикуют результаты своих исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1919 г. Пг., 1920. С. 171 [Otchet o deiatelnosti Rossiiskoi Akademii nauk za 1919 g]. [The Inform on the Activity of the Russian Academy of Sciences in 1919]. Petrograd, 1920, p.171]; Б.В.Лукин, А.М.Черников. Проект советской академической экспедиции в Южную Америку [B.V.Lukin, A.M.Chernikov. Proekt sovetskoi akademicheskoi ekspeditsii v Yuzhnyu Ameriku] [The Project of the Soviet Academic Expedition to the South America]. — Available at: www.ras.ru/FStorage/download.aspx?Id=81d43bad-a7d8-4f53-8a56-2468f5fcf742 (accessed 23.06.2018).

² В.Л.Хейфец. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб.: Наука, 2006. [V.L.Jeifets. Komintern i evolutsiia evogo dvizheniia Meksiki] [The Comintern and the Evolution of Mexico's Left-Wing Movement]. Saint-Petersburg, Nauka, 2006.

³ А.Лосовский. El movimiento sindical Latino Americano. Sus virtudes y sus defectos. Montevideo, Comité Pro Confederación Sindical Latino Americano, 1929, p. 1.

⁴ А.Вольский. История мексиканских революций. М.-Л.: 1928. С. 176 [A.Volsky. Istoriia meksikanskikh revolutsii] [The History of the Mexican Revolutions]. Moscow-Leningrad, 1928, p. 176.

⁵ Д.Ортега. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике. М.-Л.: 1928, с. 137 [D.Ortega. Agrarnyi vopros i krestianskoie dvizheniie v Meksike] [The Agrarian Question and the Peasant Movement in Mexico]. Moscow-Leningrad, 1928, p. 137

⁶ Ibid., p. 138.

⁷ Ibid., p. 5.

⁸ А.Вольский. Op. cit., p. 203.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 124. Оп. 1. Д. 1473. Л. 50-51.

¹⁰ Вильямс. Экономическое и политическое положение в Уругвае и задачи уругвайской компартии. — Коммунистический Интернационал, 1928, № 14, с. 30-37. [Williams.

Ekonomicheskoe i politicheskoe polozheniie v Urugvaie i zadachi urugvaiskoi kompartii] [Economic and political situation in Uruguay and the Tasks of the Uruguayan Communist Party]. *Kommunisticheskii Internatsional*, 1928, N 14, p. 30-37.

¹¹ С.Т р а в и н. К вопросу о характеристике революционных движений Латинской Америки. (Тезисы). — *Коммунистический Интернационал*, 1928, № 29-30, с. 99. [S.Travin. K voprosu o kharakteristike revoliutsionnykh dvizhenii Latinskoi Ameriki. (Tezisy)] [On the issue of features of Latin America's revolutionary movements. (Some Theses)]. *Kommunisticheskii Internatsional*, 1928, N 29-30, p. 99.

¹² *Ibid.*, p. 100.

¹³ Ж.Э м б е р-Д р о. Несколько проблем революционного движения Латинской Америки. — *Коммунистический Интернационал*, 1928, № 27-28, с. 110. [Humbert-Droz. Neskolko problem revoliutsionnogo dvizheniia Latinskoi Ameriki] [Some problems of the revolutionary movement of Latin America]. *Kommunisticheskii Internatsional*, 1928, N 27-28, p. 110.

¹⁴ *Ibid.*, p. 112.

¹⁵ Ж.Ш а в а р о ш. «О мексиканском вопросе» и о компартии Мексики. *Коммунистический Интернационал*, 1928, № 21. [J.Shavarosh. O meksikanskom voprose y o kompartii Meksiki] [On the Mexican question and about the CP of Mexico]. *Kommunisticheskii Internatsional*, 1928, N 21.

¹⁶ А.Ш т и р н е р. О перспективах развития мексиканской революции и о курсе мексиканской компартии. *Коммунистический Интернационал*, 1928, № 27-28, с. 117. [A.Shtirner. O perspektivakh razvitiya meksikanskoj revoliutsii y o kurse meksikanskoj kompartii] [On the Perspectives of Development of the Mexican Revolution and about the course taken by the Mexican CP]. *Kommunisticheskii Internatsional*, 1928, N 27-28, p. 117.

¹⁷ *Ibid.*, p. 117-118.

¹⁸ Л.С.Х е й ф е ц, В.Л.Х е й ф е ц. Красный карандаш судьбы. Две жизни Георгия Борисовича Скалова. — *Латинская Америка*, 1998, № 4, с. 84-92. № 5, с. 80-92 [L.S.Jeifets, V.L.Jeifets. Krasnyi karandash sudby. Dve zhizni Georgii Borisovicha Skalova] [The Red Pencil of Destiny. Two lives of Georgii Borisovich Skalov] *Latinskaia Amerika*, 1998, N 4, P.84-92.

¹⁹ Б.К о в а л ь. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005, с. 142 [B.Koval. Tragicheskaja geroika XX veka. Sudba Luisa Karlosa Prestesa] [The Tragic Heroic of the XXth Century. Luis Carlos Prestes' Destiny]. Moscow, 2005, p.142.

²⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 65а, д. 4569, л. 7.

²¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 65а, д. 4569, л. 7.

²² РГАСПИ, ф. 495, оп. 65а, д. 4569, л. 39-40

²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 169. Л. 26

²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 169. л.20, 21.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 186. Л. 23

²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 190. Л. 47

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 148. Л. 23.

²⁸ Дискуссия о престиже (движении мелкой буржуазии в Бразилии). // *Колониальные проблемы. Сборник второй*. М., 1934, с. 228 [Diskussia o prestizme (dvizhenii melkoi burzhuzii v Brazilii)] [Discussion on Prestism (the Movement of Brazilian Small Bourgeoisie)]. *Kolonialnye problemy. Sbornik 2*. Moscow, 1934, p.228

²⁹ Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., Наука, 1998, с. 230 [Komintern i Latinskaia Amerika. Sbornik dokumentov] [The Comintern and Latin America. Anthology]. Moscow, Nauka, 1998, p.230.

³⁰ И.И.Я н ч у к. На пути к Народному фронту: 3-я конференция латиноамериканских коммунистов. *Латиноамериканский исторический альманах*, 2002, № 3, с. 151—180. [I.I.Yanchuk, Na puti k Narodnomu Frontu: 3ya konferentsiia latinoamerikanskikh kommunistov] [On the Way to the Popular Front: the 3rd Conference of Latin American Communistas]. *Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh*, 2002, No.3, p. 151-180.

³¹ Г.С и н а н и. Предисловие. — Проблемы Южной и Караибской Америки. М., 1934, с. 3 [G.Sinani. Predislovie [Foreword]. *Problemy Yuzhnoi i Karaibskoi Ameriki*. Moscow, 1934, p.3.

³² Г.С и н а н и. Социально-экономическая структура и характер революции в странах Южной и Караибской Америки. *Проблемы Южной и Караибской Америки*. М., 1934, с. 32-33 [G.Sinani. Sotsialno-ekonomicheskaya struktura i kharakter revolutsii v stranakh Yuzhnoi i Karaibskoi Ameriki [The Social Economic Structure and Character of Revolution in the South and Caribbean Americas]. *Problemy Yuzhnoi i Karaibskoi Ameriki*. Moscow, 1934, p. 32-33.

³³ Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом. (Материалы). М., Партиздат, 1935, с. 399-422 [Kommunisticheskii Internatsional pered VII vsemirnym kongressom (Materialy) [The Comintern before its VIIth World Congress (Materials)]. Moscow, 1935, p. 399-422; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 197. Л. 32

³⁴ Г.Р е в з и н. Аргентина. М., 1937 [G.Revzin. Argentina [Argentine]. Moscow, 1937]; А.Л у р ь е. Герой бразильского народа. (Луис Карлос Престес). М., 1939 [A.Lurie. Geroi brazilskego naroda (Luis Karlos Prestes) [The Heroe of Brazilian People (Luis Carlos Prestes)]. Moscow, 1939; С.И.С е в и н. Южная Америка. М., 1939 [S.I.Sevin. Yuzhnaia Amerika] [South America]. Moscow, 1939.

³⁵ В.М.М и р о ш е в с к и й. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810). М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1946. [V.M.Miroshevski. Osvoboditelnye dvizhenia v amerikanskikh koloniakh Ispanii ot ikh zavoevaniya do voiny za nezavisimost (1492-1810)] [The Liberation Movements in the American Colonies of Spain since its Conquest to the War of Independence]. Moscow-Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR, 1946.

Victor L.Jeifets (jeifets@gmail.com)

Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University; Professor of St. Petersburg University of Aerospace instrumentation

7-9. Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University

7-9. Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation

The Comintern and the birth of the Soviet Latin American studies

Abstract: The article deals with the main stages of development of the Soviet Latin American Studies in 1920-1930s. The authors focus their attention at the basic features of the studies of Latin American continent in our country. A considerable part of the article is devoted to the biographies of G.Skalov, V.Miroshevsky, G.Yakobson and their contribution to the Latin American studies.

Key words: Latin American Studies; Soviet Science; the Comintern; Georgui Skalov; Vladimir Miroshevsky; Genrich Yakobson.

DOI: 10.31857/S0044748X0005400-9

Received 22.04.2019.